

Пахло сухой картофельной ботвой. За редким березняком на краю поля стучал товарняк. Нина Семеновна, опершись на лопату, шурилась на мелькавшие за деревьями ржавые вагоны. Листва неделю назад облетела, и теперь можно видеть поезда. Девчонкой она любила на них смотреть. Особенно на пассажирские. Словно на мгновение заглядывала в другие жизни. Вот пухлый дядя в майке и фетровой шляпе читает газету. Мальчишка весело машет рукой с верхней полки. Женщина разворачивает сверток на купейном столике: наверное, вареную курицу. Кто они? В каком городе живут? Куда едут?

Нина Семеновна... Ниночка могла часами сидеть на разогретой солнцем черной шпале у железнодорожной будки. Поезда исчезали за поворотом, а картинки из окон оставались — и под стрекот кузнечиков, доносившийся из выцветшей от жары травы, разворачивались в яркие истории. С прилипшей к губе кожурой от семечек Ниночка замирала до гудка нового поезда или пока отец, в своей красивой оранжевой жилетке, не выходил из будки и не давал ей стакан чаю с рафинадом. Столько лет прошло... Уже и станции нет, и отца нет, и матери. Нет и их прежнего дома. Осталось только картофельное поле и поезда...

— Нин, куды семенную ссыпать? — Николай Егорович, кряхтя, опустил ведра с крупной желтоватой картошкой.

Она вздохнула. Сдаст старый. Раньше совсем другой был. Когда замуж выходила, всех девок зависть брала. А сейчас и ростом меньше, и горбится. Куда что делось? Вон у Глашки мужику тоже шестьдесят пять, а рядом не поставишь...

— Куды-куды... Раскудыхтался! — заворчала Нина Семеновна. — В мешки с голубыми вязками. Куда еще?! Да гляди чтоб не сырая.

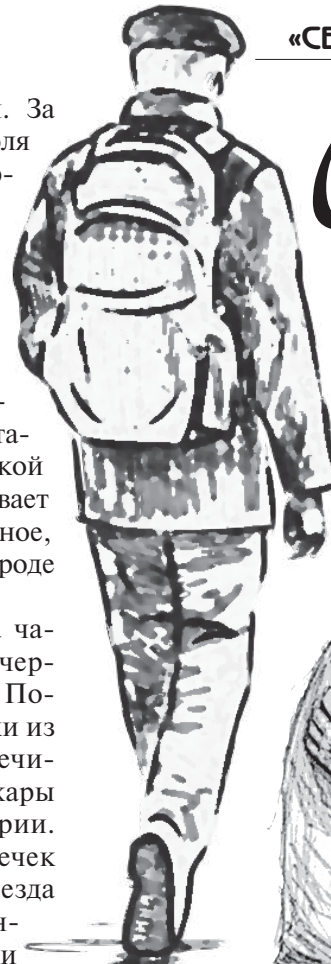
Николай Егорович потер картофелину о ладонь:

— Дык просохла уже. Вона как припекает сегодня....

СЫНА

Рассказ

Владимир ДЕМИН
г. Новосибирск

— «Просохла» тебе... Ты Федьке сказал, чтоб два мешка на веранду отвез?

— Кажись. Утром, когда копали.

— «Кажись» тебе... А если забыл? Смотри у меня! — она погрозила кулаком. — И ведь знает, что сына сегодня приезжает. Нет, на все плевать! И за что Господь меня наказал связаться с тобой?! У-у-у, порода!

— Ну, понесла... — Николай Егорович взял ведра и зашагал прочь.

— Федьке скажи! Не забудь! Слышишь? — крикнула Нина Семеновна.

— Да скажу-скажу... — ответил он, не оборачиваясь.

У Нины Семеновны и Николая Егоровича Захаровых было два сына: Федор и Павел. Старший — Федор — чернявый, коренастый. После армии окончил районное ПТУ и устроился трактористом-механиком на местный комбинат. Как ни уговаривала, как ни упрашивала его Нина Семеновна — нет, наотрез отказался поступать в техникум.

«Ну чего тебе здесь? — всхлипывала она. — Будешь в грязи, в мазуте, как помазок, всю жизнь! Петька, дружок твой, уже на четвертом курсе в городе, в железнодорожном, а в школе учился хуже... Теперя Петька человеком станет, на курорты будет ездить. А ты поездам ручкой махать из трактора! Этого хочешь? Христом Богом тебя молю, езжай поступай! Спасибо скажешь!»

Федор только сильнее насупился. Нина Семеновна задрожала от злости: у-у-у, порода!

А скоро выяснилось, что держало Федора в деревне. Соседская дочка — Аленка, шаболда и безотцовщина.

«Как не уследила?! — сокрушалась Нина Семеновна. — И ведь брюхатая уже. Месяце на шестом, вертихвостка! Жениться?! Шиш с маслом!»

Свадьбу все же сыграли. Но сына Нина Семеновна не простила. Весной у Алены и Федора родился Никитка, однако ничего не поменялось. Не хотела она знаться с ними, и все тут.

Правда, как-то Никитка прожил у бабы Нины целый месяц. Алена по зиме крепко застудила легкие, и ее увезли в район, в стационар. Мать Алены в то время сама лежала в больнице и ни-

чем помочь не могла. Федор пошел к родителям. И пока он говорил, неловко переминаясь в дверях, Нина Семеновна, поджав губы, молча смотрела в окно, будто ей и дела никакого нет. В конце концов Федор ударил шапкой по косяку и выскочил во двор. Спустя час Нина Семеновна забрала внука...

Зато второй сын — Павел — был ее гордостью. Рыжеволосый, шустрый. Всюду успевал. И отцу поддакнет, и к матери — с ласковым словом. Учителя хвалили наперебой: уж такой молодец, уж такой умничка! И руку всегда первым тянет, и стихотворение на Девятое мая самое большое просит... Однако была одна темная история в восьмом классе. Мальчишки провода на столбах обрѣзали. Участковый приезжал. Ходили слухи, будто бы Павел их на то подбил. Нина Семеновна не верила: «Надо же выдумать такое?!» Слава богу, утряслось мало-помалу.

В университет Павел с первого раза поступил. Окончил с красным дипломом. Нина Семеновна стол накрыла, какого у Федора на свадьбе не было. Полдеревни гуляло.

А потом Павел устроился программистом в строительную фирму в Омске. Сначала домой приезжал каждые выходные. Лихо газовал на собственной «Тойоте». Шоколадку — матери, чекушку — отцу. Перед отъездом к Федору забегал поздороваться да Никитке пряник дать.

Затем важный стал: дела, проекты, сроки. Вырывался раза два в год. Вальяжно переваливался новенький джип по ухабистой деревенской улице. И всегда — шоколадка, чекушка, пряник. Друзей набивался полный дом: «Паха приехал!» Охота, баня, шашлыки. В день отъезда обязательно к брату... Нина Семеновна грузила в машину домашние закатки, картошку, морковку, сало: «Бери, сына! Все свое. Без нитратов, без ГМО. Бери, сына...» Павел кивал, улыбался, поочередно целовал ее загорелые ладони: «Спасибо, мамулечка! Ты у меня самая-самая!» Так и повелось у Нины Семеновны: один — «сына», другой — «Федька».

Джип остановился перед забором. Павел высунулся в окно и посигналил.

— Здорово, родительский дом, начало начал!

Нина Семеновна всплеснула руками и засеменила к калитке:

— Сына приехал!

Николай Егорович высунулся из бани. Лицо красное от жара, в руке — кочерга:

— Паш, я баньку затопил! Через два часа можно париться. Не успел пораньше. Картошку копали.

— Да ладно, батя! — отмахнулся Павел. — Нормально!

Обнял мать, почувствовал на щеке слезы.

Сзади задрезжал велосипед. Санька, школьный товарищ Павла, грохнулся у самого джипа, подняв клубы пыли.

— Паха, здорово!

— Здорово, Санька! — улыбнулся Павел.

— Гнался-гнался за тобой... Махал-махал... Упал два раза. Штанину порвал.

Нина Семеновна нахмурилась:

— Чего пристаешь?! Ехай отседова! Пропись!

— Теть Нин, ну чего вы? Я — маненько. Картошку в погреб сгрузили. Отметить — святое дело! Гляжу: Паха едет. Я — ему: «Паха! Паха!» А он не слышит...

Павел обнял товарища за плечи:

— Санька! Такой же! Ничего не меняется. Давай вечером ко мне. Банька, посидим, вспомним...

Санька растрогался, зашмыгал носом:

— Паха, дру! Можно я тебя поцелую?

Павел рассмеялся:

— Нацелуемся еще!

— Паха, а ты к Олеське пойдешь?

Павел покосился на мать.

Нина Семеновна сердито топнула и замахнулась на Саньку:

— Ехай отседова, обалдуй! Чего ему у ней делать?! Ехай, сказала! Дрын возьму!

Санька поднял велосипед. Поправил беседку.

— Паха, а Варька-то у Олеськи в пятом классе уже. Вылитая ты. Копия!

— Ах, пакостник! Чего болтать удумал?! К ней все ходили, к шаболде этой. Может, это твоя девка у ней, а? Вот Машке твоей скажу, — Нина Семеновна схватила валявшуюся хвостину, — мало не покажется!

Санька ловко увернулся от удара:

— Да кто ходил-то, теть Нин?! Вся деревня знает, чья девчонка. Она же рыжая! И Федор ваш ей помогает, и Аленька его. По-родственному.

— Нашел на кого смотреть! Аленька сама шаболда. А Федька — дурак. Из него бабы веревки вьют! Ехай, ирод!

На этот раз хворостина пришлась Саньке по спине.

— Чего вы деретесь, теть Нин?! — взвыл Санька и, отбежав на безопасное расстояние, запрыгнул на велосипед. — Паха, я забегу!

И тут же затянул:

— «Жи-и-изнь невозможно повернуть назад, и время ни на ми-и-иг не остано-о-овишь. Пусть неоглядна но-о-очь и одиночек мой до-о-ом, еще идут старинные часы-ы-ы!»

Павел мрачно смотрел в спину Саньки.

Нина Семеновна забеспокоилась:

— Да не слушай ты этого дурака, сына! Завидуют они. Все завидуют. Сколько лет прошло, ан нет, не успокоятся никак! Это евонная мать, Зинка, слухи распускает!

Павел зарылся лицом в седые материнские волосы, пахнувшие жареным луком:

— Да все хорошо, мамуль. Я не слушаю... Мамуль, ты вот что... Бате скажи, пусть пролет разберет, я машину во двор загоню. А то алкашня всякая поцарапает...

В полумраке комбинатского гаража стоял хохот. Скучковавшись у стола главного механика, мужики отмечали пятницу. Впрочем, один из них все еще возился у полуразобранного трактора. От окутанной табачным дымом компании отделился детина под два метра ростом, в черной перепачканной робе:

— Федь, да брось ты его! Рабочий день кончен. Идем к нам!

— Не могу, Димыч! В воскресенье надо лес привезти. А давление в системе скачет. Не дай бог, клинует.

Детина подошел, присел на корточки, закурил:

— Клапана чистишь?

— Центрифугу снимаю. Поддай ключ на тридцать шесть... Под тобой.

Димыч зажал в зубах сигарету, пошарил по полу огромными ладонями:

— Ага. Держи... Паха приехал, слышал?

— Слышал.

— Ну-ну... — Димыч затынулся и выпустил густую струю дыма. — А слышал, укры долбят? Наши из Балаклеи отошли. С Изюма...

Федор накинул ключ на гайку, перехватил поудобней:

— Я новостей не смотрю.

— Федь, ты чо?! Война идет! Или мы — их, или они — нас. Ты вообще за кого? Хочешь, чтоб эти фашики на нас ездили?!

— Я хочу лес привезти. Пристройку Олеське до дождей сложить. Варя уже большая, ей комнату отдельную надо.

Димыч вскочил и всей своей громадной фигурой навис над Федором.

— Пристройку до дождей?! Знаешь что, Федор? Я с тобой пить второго августа больше не буду! Ты хоть тоже из десантуры, а, видать, из разного мы теста. Я-то, если что — добровольцем. Есть еще порох! — Он поднял ржавую арматуру в палец толщиной и с рычанием согнул. — Вот так я их, а посла и вас всех... В бараний рог! Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой! И встанем! А ты сиди в подполе, хороняка!

Федор отложил ключ. Тяжелый взгляд сверлил приятеля, точно перфоратор — пустотелый кирпич.

— Бухой, что ли? Ты лучше за бензином сгоняй, воин. Центрифугу мыть будем.

Димыч выронил арматуру и быстро закивал:

— Ага, Федь! Я мигом!

На следующее утро Павел уехал. В этот раз к брату он не зашел, только посигналил, когда проезжал мимо дома, и мигнул аварийкой.

А через неделю в деревню приехали женщины из военкомата и участковый. Все уже знали, что объявили частичную мобилизацию, но никто не понимал, что с этим делать. И только когда военный «Урал» остановился у сельсовета, люди всполошились, побросали работу и окружили грузовик.

В этот день забрали пятерых: у Антоновых, Смирновых, Кухно, Кауфман, Приходько. К Нине Семеновне приходили, искали Павла. Она, бледная, встала в дверях, загородив проход:

— Не живет он здесь! Хоть у кого спросите. Ну и что, что прописан? Не живет. Не знаю где. Телефона нет.

Как ушли — сразу схватила мобильник:

— Сына, по твою душу явились... с повесткой... Сказали, чтоб в военкомат ехал... Одноклассников твоих позабирали. Саньку-обалдуя и еще троих...

После минутного молчания Павел коротко бросил:

— Понял, мам. Разберусь. Не звони больше. Я симку поменяю — наберу. Все.

Нина Семеновна накапала в стакан вале-рьянки и включила телевизор.

Через два часа из района приехал Николай Егорович. Бросил пакет с продуктами. Сел на табурет под вешалкой, отдышался.

— Нин, я Михалыча видел, бывшего военкома. Говорит, Паша под первую категорию попадает. До тридцати пяти. Федору сорок два — не заберут, сказал.

— Ох, сына, сына! — запричитала Нина Семеновна. — Что же теперь будет?!

— А что будет, Нин? У меня отца на фронт забрали в сорок первом. Восемнадцать только исполнилось. Совсем пацан. Худющий, как жердь. Баб Клава, рассказывали, вещмешок до станции несла... Она в карман молитву ему сунула. «Живая помощь», кажись, называется. Так он до Берлина без единой царапины дошел! Молитва эта, кажись, в коробочке с его письмами лежит. Может, поискать?

Нина Семеновна вытаращилась на мужа:

— Поискать?! Дурак старый! Они тогда — за Родину, а сейчас — за что?! За политиков ока-янных, чтоб им всем пусто! Тогда другое время было совсем! У-у-у, порода! Масло в огонь подливаешь! Уйди с глаз моих!

Николай Егорович встал:

— Время другое, Нин... Время... У меня мать в Горловке родилась... Родня там... Знаешь, Нин, я к Федору лучше пойду. У них Никитка приехал.

— Беги-беги! Ишь, чего придумал — родня там! Сроду не znalся с ними! Беги-беги! Без тебя управимся!

Нина Семеновна достала блокнот с записями и отыскала номер своей троюродной сестры Натальи из Петропавловска.

— Наташ... Да-да, сколько лет... У тебя адрес не сменился? Нет? Вот и хорошо! Паша мой приедет. Пропиши его, Христа ради. Зачем? Слышала, что у нас учудили? Да-да! Временно. Пусть поживет... Нет, только Паша... Спасибо, милая!

Ночью Нина Семеновна проснулась от робкого стука в окно. Сердце сжалось. Отодвинула край занавески. Сына! Бледное лицо. Губы что-то беззвучно шепчут. Растолкала мужа. Накинула шаль.

Николай Егорович заторопился к двери, откинул крючок. Павел ввалился в дом и сразу прижался к печи. Пахло перегаром.

— Теплая, хорошо... Я и забыл, какие ночи холодные по осени. Дождь моросит. Бр-р-р! Свет погасите...

— Свет! — Нина Семеновна ткнула пальцем в Николая Егоровича. Затем плотнее задернула шторы, зажгла свечу. — Что случилось, сына?

— Глухо, мам. Не договориться... Мы с пацанами — к казахам решили. Нам эта бодяга не нужна. Мы — люди мира. Пацаны за кладбищем ждут, чтобы не палиться. Собери чего-нибудь по-быстрому. Второпях сумку с хавчиком забыли... Теперь до границы тормозить не будем.

Нина Семеновна засуетилась, стараясь не греметь посудой.

Павел потер ладони:

— Отогрелся вроде! Бать, у тебя выпить есть?

Николай Егорович кивнул. У него под кроватью стояли ряды бутылок. Тех самых нетронутых чекушек, что привозил ему Павел. Николай Егорович после язвы спиртного совсем не пил. Уже лет пятнадцать... Он пошел в комнату, достал две бутылки. Затем открыл шкаф и снял с верхней полки жестяную коробку. Сел на кровать. Чиркнул зажигалкой. Вот она — семейная реликвия, молитва «Живые помощи», пожелтевший листок, сложенный вчетверо, — на самом веру синих фронтовых треугольников. Бережно погладил шершавую бумагу.

Из кухни донесся громкий шепот:

— Бать, ты скоро? Времени совсем нет! На границу надо гнать. Там к утру очередь знаешь какая будет!

Николай Егорович отдернул руку, словно листок, внезапно раскалившись, обжег пальцы. Закрыв коробку.

— Иду, Паш. Иду...

Нина Семеновна поправила на сыне лямки большого охотничьего рюкзака:

— Я в боковой карман положила конверт с деньгами и адрес тети Наташи из Петропавловска. Ты после границы к ней езжай. Один! Без пацанов своих. Я с ней обговорила. Как сердцем чувствовала! — она всхлипнула. — Поживешь там...

Павел поцеловал материнские руки:

— Все сделаю, мамулечка, не переживай. Ты у меня самая-самая!

Спустя пять дней военный «Урал» снова приехал в деревню. Федор воткнул топор в чурку и проводил грузовик хмурым взглядом.

— Ален, умыться дай. И документы приготовь мои.

— Зачем, Феденька? — испугалась жена.

— Приготовь.

После обеда к дому Федора подошла женщина в сером плаще. За ней понуро шагал Димыч в камуфляжном костюме и с полиэтиленовым пакетом в руках.

— Есть кто дома? — звонко крикнула женщина, берясь за калитку.

— Да дома они... — буркнул Димыч. — Где же еще?

Здоровенная черная собака высунула морду из будки и зарычала.

На крыльце показался Федор, прикрикнул на пса:

— Яр, лежать!

Женщина улыбнулась:

— Захаров Федор Николаевич?

— Белова, давай без этого... — поморщился Федор. — Повестку принесла?

Она перестала улыбаться и открыла папку:

— Да, Федя. Распишись и собирайся.

К женщине осторожно подступил Димыч и заканючил:

— Мария Степановна... Маша... Ну, я же больной весь! У меня справки... — Он потряс пакетом. — У меня хребет сломан. Штыри железные. Мне тяжелого поднимать нельзя. Бе-

гать нельзя. Маша... Мария Степановна, ну зачем я вам? Федя, ну хоть ты подтверди, что у меня хребет сломан! Помнишь, я со стога на-вернулся?

Федор смерил Димыча взглядом и сплюнул:

— Сломан у него хребет, Белова. Подтверждаю.

Женщина смутилась:

— Да что я-то могу? Пусть берет свои справки. Приедем в военкомат — разберемся. Федя, давай быстрее. Нам еще в Осиновку заезжать.

Федор ткнул в повестку:

— Тут написано: двадцать седьмого прибыть. Завтра.

— Написано, — согласилась Белова. — Только у нас распоряжение — сразу брать.

— Мне пристройку закончить надо. Завтра приеду. Знаешь ведь.

— Я-то знаю, — вздохнула Белова. — Жениться обещал на мне, а сам на Аленке женился...

— Так это ж в пятом классе было! — усмехнулся Федор.

— В пятом... — задумчиво повторила Белова. — Ладно, Федя, завтра к десяти. Алене — привет.

— А мне можно завтра? — пробасил Димыч.

— Тебе? — удивилась Белова — Тебе, Семенов, нельзя. Со мной поедешь.

Вечером к Федору пришел отец. Поздоровался с Аленой. Разворошил Никитке волосы: «У, какой вымахал!» — а потом позвал Федора во двор покурить.

— Я вчера в район ездил. Михалыч говорит, по первой категории недобор жуткий... Бегут... Сказали, вторую брать будут до сорока пяти... Федь, мать тут адрес тети Наташи написала, в Петропавловске... Просила передать... — он вытащил листок.

Федор затыкнулся. Хороший табак, ядреный. Поднял голову к небу и медленно выдохнул:

— Бать, смотри, звезды рассыпались... Видать, день завтра солнечный... Думаешь, будет бабье лето в этом году?

Николай Егорович дрожащей рукой скомкал бумажку:

— Будет, сынок. Обязательно будет! Не в этом, так в следующем... Обязательно...

Федор уехал рано. Поцеловал теплую, разомлевшую ото сна жену, заглянул к сыну и поехал. Про повестку они не знали. Нечего слезы разводить. Так лучше...

Он вглядывался в черные полосы полей, тянувшихся за окном рейсового автобуса, в дымку над болотами, в розовеющее небо за деревьями и не думал ни о чем. Просто смотрел на эту утреннюю красоту и слушал завывание двигателя.

Зазвонил мобильник. Федор полез в карман. Оттуда выскользнул сложенный вчетверо желтоватый листок и спланировал между сиденьями. Федор зажал телефон между плечом и ухом:

— Слушаю.

Поднял листок.

Звонила Белова:

— Едешь?

— Еду.

— На войну едешь, Федя...

— Знаю.

— А что, если... — она запнулась. — Пашу вашего найти не могут ведь...

— Он сам себя найти не может.

— Что, если...

— Кто, если не я, Белова? Отец? Никитка? Мать?

Молчание.

— Кто, если не я?

Короткие гудки.

Федор разворачивает листок. Аккуратный женский почерк. Полинялые чернила: «Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится...» Батя рассказывал про эту молитву. Рассказывал про деда. Когда засунуть в карман умудрился? Федор улыбается. Кладет листок в паспорт и прижимается лбом к холодному стеклу. Ветер качает облетевшие березы, треплет серый ковыль... У самого уха шепчет молодой женский голос, пробившийся сквозь время: «...И под крыле Его надеешься: оружием обыдет тя истина Его. Не убоишися от страха ночнаго, от стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая, от сряща, и беса полуденнаго...»

В субботу к девяти зарядил дождь. Пора. Нина Семеновна накинула телогрейку, сунула ноги в сапоги. Николай Егорович закрыхтел на

кровати. Вчера так вступило в поясницу, что по дому передвигался на четвереньках.

— Нин, ну куда ты пешком? Пять километров! Дождь, ветрище... Попроси Димку Семенова. Его неделю как с военкомата отпустили. Довезет.

— «Куды» тебе... Разкудыхтался! — заворчала Нина Семеновна. — Лежи. Приду — спину греть будем.

Тяжелые капли били в лицо, залетали за воротник. Сапоги вязли в раскисшей колее. Раз два пришлось остановиться, чтобы отпустило сердце. Но к двенадцатичасовому поезду Нина Семеновна успела с запасом. Крыша на старой железнодорожной будке провалилась. Все заросло бурьяном. Перрон совсем исчез. Нина Семеновна пошарила ногой в траве. Вот она, трухлявая шпала. Та самая или нет?

Земля задрожала, застучали рельсы. Приблизился состав. На двенадцатичасовом должны были везти мобилизованных. Ветер швырнул в лицо склизкие хлопья первого снега. Ударило грохотом и лязгом. Замелькали темно-зеленые мокрые вагоны. Нина Семеновна сощурилась. Зрение уже не то. Одни непроницаемые серые окна. Она всматривалась в каждый вагон. Ничего не видно. Дождь размывал слезы на морщинистом лице.

И тут она увидела! Федор почти по пояс высунулся в окно и махал руками.

— Сына! Сына-а-а! — закричала Нина Семеновна и рванула ворот телогрейки, чтобы вдохнуть воздуха, который вдруг весь куда-то пропал из груди.

Поезд отгрохотал и скрылся вдали. Семафор загорелся зеленым. Нина Семеновна закрыла глаза. Попыталась представить, что дождя нет, светит солнце, а Федя в купе едет на Черное море. Картинки не получалось... Одни черные и красные пятна.

— Сына... — заплакала Нина Семеновна и опустила на колени, чувствуя холодную слякоть. — Сына...

Кто-то потянул ее за руку:

— Бабушка, не надо. Вставай...

Нина Семеновна подняла голову:

— Никитка?

Чуть поодаль стояли остальные: Алена, Олеся, закутанная в дождевик Варя.

Нина Семеновна вытерла лицо рукавом. Опираясь на Никиткину руку, подошла. Обняла всех разом.

— Родные мои! — шептала она. — Родные...

Владимир Михайлович ДЕМИН

родился в 1980 г. в селе Кокوشيно Чулымского района

Новосибирской области.

Публиковался в журналах «Дружба народов»,

«Уральский Следопыт», «Сибирские огни».

Живет в Новосибирске.

